

УДК 165.1

В.А. Ладов

**ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ\***

*Представлена типологизация основных семантических проектов в аналитической философии, которые, в свою очередь, соотнесены с известными онтологическими проектами в истории философии и вписаны в рамки главной категориальной оппозиции онтологии – реализм/антиреализм. Произведена классификация конкретных семантических концепций аналитической философии по их принадлежности либо к реалистским, либо к антиреалистским онтологическим программам, результаты которой показывают, что различие между ранним и поздним вариантом аналитической философии отчетливо просматривается как раз по онтологическому основанию. Если для ранних аналитических философов характерна была реалистская форма онтологии, то поздние философы-аналитики поддерживают и развивают антиреализм. Ключевые слова: аналитическая философия, реализм, антиреализм, семантика, онтология.*

Классификация того чрезвычайно многообразного материала, который был наработан философами-аналитиками в XX в., – актуальная задача истории аналитической философии. На наш взгляд, одной из значимых классификаций должна выступить та, которая позволит структурировать различные семантические проекты аналитической философии по их принадлежности либо к реалистским, либо к антиреалистским взглядам в онтологии и эпистемологии. Спор реализма и антиреализма остается одним из наиболее принципиальных в современной философии, во многом определяя специфику исследований последних десятилетий. Классификация концепций аналитической философии по данному основанию позволит прояснить тот вклад, который внесло аналитическое движение в рассмотрение этих важнейших философских вопросов, а также определить тенденции развития аналитической традиции на современном этапе.

Для осуществления классификации конкретных семантических концепций аналитической философии необходимо определиться с теми общими стратегиями интерпретации значения языкового выражения, которые представлены в традиции, а также прояснить, с какими известными онтологическими и эпистемологическими направлениями реалистского и антиреалистского типов эти лингвофилософские стратегии связаны. Попытаемся далее репрезентировать основные способы понимания значения в аналитической философии, провести их сравнение с известными онтоэпистемологическими позициями в истории философии и, наконец, соотнести этот материал с наиболее общей концептуальной оппозицией реализм/антиреализм, в рамках ко-

---

\* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (10-06-00039-а), Совета по грантам Президента РФ (МД-1685.2010.6) и в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.1, проект «Онтология в современной философии языка» (2009-1.1-303-074-018).

торой мы решили представить классификацию конкретных семантических концепций аналитической традиции.

Достаточно убедительным, чтобы взять его за основу нашей репрезентации способов понимания значения в философии языка, нам видится тезис, представленный известным немецким философом-аналитиком К.-О. Апелем, который мы примем с небольшими дополнениями. Апель пишет: «Насколько я могу видеть, есть три главных точки зрения, с которых может начаться дискуссия относительно (понимания) значения в аналитической философии. Очень приблизительно они могут быть сосредоточены вокруг ключевых слов *конвенция*, *интенция*, и *референция к вещам*» [1. Р. 91].

Данные термины говорят сами за себя: «конвенция» описывает понимание значения как определенной сущности, задаваемой intersubjectively в языковом сообществе; «интенция» фиксирует значение в качестве факта внутренней психической жизни субъекта; «референция» подразумевает значение в качестве материального объекта или факта в мире природы. На наш взгляд, для полноты картины данной классификации Апеля не хватает еще одного звена, которое можно было бы представить с помощью термина «интеллектуальная интуиция». Пусть данный термин описывает «схватывание» – в смысле «Fassen» Г. Фреге [2. С. 28] – значения в качестве объективной идеальной сущности.

Эти четыре термина и связанные с ними представления о значении языкового выражения в аналитической философии языка вполне отчетливо проецируются на более общие онтологические и эпистемологические концепции в истории философии, отвечающие на вопросы о том, что существует и что мы имеем в качестве базовых данностей в нашем познании.

Референциалистская трактовка значения ассоциируется, прежде всего, с физикалистской онтологией, в соответствии с основными тезисами которой субстратом мира является материя. Мир состоит из материальных объектов, и именно их – здесь возникает и соответствующая эпистемологическая позиция – мы можем фиксировать в опыте познания мира. Соответственно, значением слова выступает сам материальный объект природы, вещь.

Интенционалистская трактовка значения, в смысле, например, П. Грайса [3], наиболее близка онтоэпистемологическим представлениям ментализма – концепции, утверждающей существование психической реальности в качестве приоритетной сферы опыта. В соответствии с ментализмом мы можем выдвигать обоснованные онтологические тезисы только относительно фактов психической жизни субъекта. Понятно, что значением слова здесь могут выступать только определенные психические переживания – ощущение, впечатление, намерение и т.д., которые подразумеваются агентом речи при произнесении выражений языка.

Конвенционалистская трактовка значения иллюстрирует наиболее распространенную в современной философии онтоэпистемологическую позицию когерентизма. Здесь утверждается существование специфических intersubjectивных сущностей, которые порождаются внутри того или иного социокультурного, исторического, лингвистического сообщества. Когерентизм отвергает как ментализм, настаивая на том, что значения не находятся в голове говорящего, не являются собственностью психики субъекта, так и физи-

кализм, заявляя, что объективный мир закрыт для познания человека. Значением с точки зрения когерентизма выступает некая промежуточная сущность, не относящаяся ни к психическому, ни к физическому миру. Значение рождается в интересубъективной коммуникации.

Наконец, универсалистская трактовка значения, где в ходу такие термины, как «интеллектуальная интуиция», «схватывание идеальной сущности», представляет хорошо известную, классическую онтологию платонизма. Платоники утверждают существование объективных идеальных сущностей – универсалий и возможность их адекватного познания человеческим разумом посредством интеллектуальной интуиции. В аналитической философии самым известным носителем этих взглядов был Г. Фреге [2. С. 22–49]. С точки зрения платонизма значением слова выступает неразрушимая течением времени, непостоянством психики познающего субъекта, существующая независимо от него абстрактная сущность – смысл, мысль, понятие, идея.

Теперь если мы подведем указанные онтологические позиции, связанные с представлениями о значении, под более общую категориальную оппозицию реализм/антиреализм, то получим окончательную типологизацию различных вариантов теории значения относительно онтологических программ.

Физикалистская позиция соответствует онтологической программе реализма, ибо здесь утверждается существование объективной, не зависимой от познающего субъекта, материальной субстанции, являющейся основой всех вещей и событий в мире. Ментализм подпадает под антиреалистскую онтологию, поскольку здесь говорится только о существовании фактов психической жизни субъекта мышления, ни о каком реальном мире речи не идет.

Когерентистская позиция более сложна для типологизации. Когерентизм «более реалистичен», нежели ментализм, ибо утверждает существование особых смысловых сущностей, которые не сводятся к процессам, происходящим в психике субъекта. Эти сущности возникают и присутствуют как некие объективные предметности в процессе коммуникации. Кроме того, характеристика объективности дополняется здесь признаком идеальности, поскольку данные сущности не сводятся к физическим объектам мира природы. Все это, казалось бы, роднит когерентистскую позицию с платонизмом и реализмом. И тем не менее дальнейший анализ данной онтологической программы показывает, что когерентизм на новом витке онтоэпистемологического исследования все равно оборачивается субъективизмом и принадлежит антиреалистскому направлению. Как только коммуникативное сообщество в целом рассматривается как единый эпистемологический субъект, становится понятным, что когерентные сущности, порождаемые в коммуникации, оказываются аналогичными психическим феноменам ментализма, ибо они имеют такие же субъективистские черты. Когерентизм ничего не говорит об объективном мире. Напротив, здесь утверждается существование различных, не сводимых друг к другу коммуникативных пространств, каждое из которых имеет свою собственную «ткань» смыслов. Это – ярко выраженный релятивистский тезис, характерный для антиреалистской онтоэпистемологической программы.

Наконец, онтология объективного идеализма (платонизма). С точки зрения научного реализма, ориентированного на физическую реальность, плато-

низм будет выражать антиреалистскую установку. Однако если переходить от умеренного (научного) к наиболее полному, радикальному реализму, признающему, помимо физического мира, существование объективных абстрактных сущностей в мире метафизическом, то платонизм, конечно же, будет с полным правом охарактеризован как проявление реалистской онтологической позиции.

В результате мы имеем следующую типологизацию семантических проектов в аналитической философии в их корреляции с основной категориальной оппозицией онтологии: референциалистская семантика репрезентирует реализм; интенционалистская семантика – антиреализм; конвенционалистская семантика – антиреализм; универсалистская семантика – реализм.

Теперь, после того как общие типы семантических стратегий определены, у нас появляется возможность классифицировать конкретные семантические концепции в аналитической философии по их принадлежности к этим общим семантическим стратегиям и связанным с ними онтоэпистемологическим представлениям.

Здесь нужно оговориться, что рассмотрение центральных, наиболее известных семантических концепций аналитической традиции нами было уже проведено в другом месте [4]. Сейчас стоит только указать на общие выводы, которые были сделаны в проведенном исследовании. Данную же статью мы рассматриваем как продолжение работы по рассмотрению онтоэпистемологической проблематики в аналитической философии. Здесь нами будет проведен анализ иных концепций, к которым мы не обращались ранее.

Итак, ранее нами были рассмотрены семантические концепции Г. Фреге, Б. Рассела, раннего Л. Витгенштейна, У. Куайна и позднего Л. Витгенштейна. В результате проведенных исследований мы пришли к следующим выводам. Концепция Г. Фреге была классифицирована нами как относящаяся к семантике универсалистского типа и, соответственно, к онтоэпистемологической позиции платонизма, в которой утверждается объективное существование универсальных сущностей – абстракций. Платонизм, в свою очередь, как это уже было описано выше, расценивается нами как проявление реализма. Взгляды на природу языка Б. Рассела были отнесены к проявлению референциалистской семантики, которой в онтологическом плане в наибольшей степени соответствует позиция физикализма, утверждающего существование конкретных материальных объектов в мире природы. Таким образом, и Г. Фреге, и Б. Рассел, несмотря на все различия в их концепциях, в нашей классификации оказались реалистами, но с одним важным дополнением. Семантика Г. Фреге репрезентирует онтологическую позицию радикального реализма, утверждающего существование как конкретных физических, так и абстрактных метафизических объектов, в то время как семантика Б. Рассела представляет онтологию умеренного или научного реализма, ограничивающего бытие сферой конкретного. У раннего Л. Витгенштейна достаточно отчетливо прослеживается референциалистская позиция логического атомизма, характерного и для Б. Рассела. Если к этому также добавить то, что в своей ранней философии австрийский мыслитель в принципе признает осмысленными только предложения естественных наук, то у нас не останется сомнений в том, чтобы классифицировать Л. Витгенштейна как референциалиста.

«Логико-философский трактат» репрезентирует референциалистскую семантику и онтологию умеренного реализма. Далее в традиции начинается «антиреалистский поворот», в соответствии с которым вполне оправданно можно провести различие между ранней и поздней аналитической философией в целом. У истоков этого поворота находятся два очень крупных и влиятельных лингвофилософских проекта – У. Куайна и позднего Л. Витгенштейна. На основе критики процедуры верификации эмпирических суждений, принятия идеи о концептуальных каркасах и разработки концепции неопределенности перевода У. Куайн приходит к заключению, что значениями слов не могут являться сами вещи мира. Скорее, значение формируется в самом языке еще до обращения к непосредственному чувственному опыту. Значения представляют собой конвенции, формируемые в той или иной конкретной лингвистической группе. Концепция неопределенности перевода является ярко выраженным примером конвенционалистской семантики, что позволяет охарактеризовать Куайна как антиреалиста. Поздний Л. Витгенштейн разработал один из наиболее радикальных скептических вариантов теории значения, репрезентирующий специфический вид конвенционализма. Если с точки зрения ортодоксального конвенционализма значение представляет собой некоторое стабильное образование, существующее в рамках лингвистической группы, то с позиции позднего Витгенштейна агент речи вообще не обладает способностью схватывать какие-либо устойчивые сущности в качестве значений. Сообщество способно сформировать только иллюзию значения, которой тем не менее оказывается достаточно для нужд практической жизни. И ортодоксальный, и специфический конвенционализм в онтологическом плане представляют собой проявление антиреалистских воззрений. Философия языка позднего Л. Витгенштейна есть антиреализм, причем выраженный в наиболее радикальной форме.

Далее обратимся к рассмотрению еще нескольких знаковых для развития аналитической традиции концепций и поместим их в рамки нашей классификации. Известная лингвистическая головоломка «зелубое» Н. Гудмена [5] оказывается столь же мощным скептическим аргументом по отношению к семантическим теориям реалистского типа, что и скептическое рассуждение о следовании правилу употребления языкового выражения позднего Л. Витгенштейна.

Допустим, мы пытаемся задать значения словам, призванным указывать на цветовые характеристики вещей. Мы помещаем перед обучаемым изумруд и говорим: по отношению к цвету этого камня всегда употребляй слово «зеленый» и никогда не употребляй этого слова по отношению к цвету ясного дневного неба. Затем мы просим обучаемого взглянуть на небо и говорим: по отношению к цвету ясного дневного неба всегда употребляй слово «голубой».

Представим далее, что какой-либо из педагогических коллективов решил ввести определенные новшества в программу обучения. Здесь обучаемому, кроме слов «зеленый» и «голубой», предложили также пользоваться выражением «зелубой» в следующем значении: до трех часов пополудни называй цвет изумруда словом «зелубой», а цвет неба словом «голубой», а после этого момента времени называй словом «зелубой» и цвет изумруда, и цвет ясного неба.

Если два ученика, воспринявших значение слов для цветовых характеристик вещей по разным учебным программам, сойдутся вместе в двенадцать часов пополудни и один попытается объяснить другому значение слова «зелубой», то возникнет следующая ситуация. Один укажет на изумруд и произнесет: «зелубой», затем покажет на небо и произнесет: «голубой». Тот, кто его слушает, проинтерпретирует ситуацию так: значение слова «зелубой» соответствует значению слова «зеленый» и их можно употреблять в качестве синонимов. Нетрудно догадаться, что по прошествии трех часов в их вполне продуктивной для взаимопонимания коммуникации возникнет проблема. Тот, кто посчитал ранее, что значения слов «зеленый» и «зелубой» тождественны, будет вынужден изменить свою точку зрения, ибо его собеседник вдруг употребит слово «зелубой» по отношению к цвету ясного дневного неба.

Проблема состоит в том, что в двенадцать часов пополудни значения слов «зеленый» и «зелубой», действительно совершенно не различимы. В коммуникации перед тем, кто воспринимает от другого употребление данного слова, возникнет непреодолимая неопределенность в интерпретации значения.

Однако следует предположить и еще более радикальный скептический шаг, который можно сделать, отталкиваясь от этого примера. Более радикальный скепсис будет заключаться в том, что, даже оставляя в стороне коммуникацию и рассматривая адепта слова «зелубой» в одиночестве, у нас по-прежнему будут основания утверждать, что он также окажется в неопределенной ситуации. И эта неопределенность будет вызвана тем, что наш персонаж, основываясь на своих конечных опытных данных, на самом деле не постигает правила употребления термина «зелубой» в полной всеобщности. Он не обладает интеллектуальной интуицией, схватывающей понятие «зелубого» в окончательной определенности, когда ему дается директива употреблять данный термин после трех часов пополудни *во всех остальных возможных случаях* либо по отношению к изумруду, либо по отношению к цвету ясного дневного неба. Значение выражения «во всех остальных возможных случаях» по-прежнему остается неясным. Поэтому нет ничего логически невозможного в предположении, что в шесть часов вечера человек отождествит в словах языка цвет изумруда, цвет ясного дневного неба и, скажем, цвет снега. Тогда окажется, что тремя часами ранее он некорректно именовал цвет изумруда «зелубым», ибо имел в виду при этом совсем другое правило, для которого ему следовало бы подыскать другой термин. Если агент речи не способен на осуществление интеллектуальной интуиции, не способен созерцать какое-либо правило в его всеобщности, то теоретически он всегда будет находиться в ситуации смысловой и лингвистической неопределенности. Так же, как и в концепции позднего Витгенштейна, сообщество отчасти решает данную проблему, обеспечивая субъектов, вступающих в коммуникацию, впечатлением того, что значения их слов вполне понятны и определены, поскольку в практической жизни ситуации столь радикальных семантических «провалов», описанных выше, оказываются достаточно редкими. Взгляды Н. Гудмена могут быть охарактеризованы как проявление специфического конвенционализма поздневитгенштейновского типа и потому классифицированы как антиреализм.

Основания для теории речевых актов и для так называемой философии обыденного языка в целом были заложены в исследованиях оксфордского мыслителя Д. Остина [6], но в качестве системы данные идеи предстали в работах П. Грайса [3] и Д. Серла [7]. Грайс наиболее отчетливо сформулировал то теоретическое основание, на котором построена философия обыденного языка, а Серл разработал подробную классификацию речевых актов.

Грайс, обратившись к анализу обыденного языка, указал на существенную двусмысленность английского слова «meaning» (решающего для семантических теорий), в котором обнаружил две составляющие: «meaning» как стационарное объективное значение языкового выражения и «meaning» как подразумевание, т.е. значение, зависимое от субъективных намерений (интенций) того, кто употребляет языковое выражение в коммуникативном процессе. Отдав предпочтение интенциональному значению, Грайс постулировал его более фундаментальный статус в языке по сравнению с производным от него стационарным значением. Значениями слов могут выступать только субъективные интенциональные содержания агентов речи. «Объективное значение» есть лишь конвенционально устойчивая субъективная интенция и ничего более. Следовательно, основополагающим уровнем философии языка, в противовес намеренно отвлекающимся от субъективности исследованиям, нацеленным на выяснение универсальных лингвистических структур, должен стать анализ обыденного языка в актуальной intersubjective коммуникации.

Приоритет, отданный Грайсом интенциональному содержанию в формировании значения выражения, позволил Д. Серлу заявить о производном уровне проблем философии языка по сравнению с философией сознания. Изучая специфику речевых действий, мы обнаруживаем их подобие соответствующей совокупности интенциональных состояний сознания говорящего. Конвенциональная стабилизация значений, о которой говорил Грайс, возможна, с точки зрения Серла, только как производное наделение интенциональным содержанием языкового знака. Это интенциональное содержание сначала является составляющей ментального состояния субъекта и лишь потом, путем соответствующих преобразований, переходит в интенциональное содержание знака, становясь его значением. Интенциональность речи иницируется сознанием. Теория речевых актов репрезентирует интенционалистскую семантику, в рамках которой значение языкового выражения трактуется как субъективное психическое переживание. В плане онтологической проблематики интенционализм характеризуется нами как ментализм и представляет собой проявление антиреалистских взглядов.

Широко известный лингвистический проект Н. Хомского создается как попытка решения следующей проблемы: как конечное существо, обучавшееся языку только на определенном количестве частных примеров употребления языковых выражений, оказывается способным генерировать бесконечное число новых лингвистических последовательностей и понимать их? Объяснить это непросто, ведь «...по сравнению с числом предложений, которое ребенок может с легкостью построить и понять, число секунд в человеческой жизни до смешного мало» [8. С. 169].

Натуралистический ответ Хомского хорошо известен. Он предполагает существование врожденного, генетически наследственного знания о формальных грамматических структурах, проявляющихся во всех возможных естественных языках, использование которого дает способность человеку генерировать неограниченное число новых лингвистических последовательностей и однозначно интерпретировать их. Задача генеративной грамматики заключается в открытии этих фундаментальных структур и демонстрации того, как осуществляется их трансформация с глубинного на поверхностные уровни естественных языков.

Поскольку Хомский занимает столь откровенную натуралистическую позицию, постольку, классифицируя его взгляды на значение языкового выражения, мы можем сделать обратный ход: от онтологии к семантике. В онтологическом плане Хомский – физикалист, следовательно, на уровне исследования языка его позиция должна представлять один из вариантов референциалистской семантики: слова языка отсылают к физическим вещам и явлениям, которые успешно изучают естественные науки. Физикализм, в свою очередь, в нашей типологии онтоэпистемологических позиций мы относили к проявлению реализма. Однако случай с теорией генеративной грамматики Хомского оказывается особенным.

Дело в том, что если Хомский все синтаксические структуры погружает в психологию, которую, в свою очередь, сводит к нейрофизиологии головного мозга человека, то они тут же теряют свой универсальный характер и становятся релятивными, а его теория антиреалистской. Глубинные синтаксические структуры оказываются зависимыми от особой, локальной, развитой в процессе эволюции формы организации материи. Это означает, что с логико-эпистемологической точки зрения вполне можно допустить существование иных форм, порождающих иные глубинные структуры. Тем самым демонстрируется, что глубинные синтаксические структуры теряют свой универсальный характер. Теория генеративной грамматики Н. Хомского оказывается, по сути, скептической. Ее следствия таковы, что человеку как познающему когнитивному существу отказано в возможности достижения объективного универсального знания о реальности. Познающий в этом случае имеет дело не с реальностью самой по себе, а только с субъективным представлением реальности, которое всегда будет зависеть от особой, эволюционно развитой формы организации материи.

На основании вышесказанного можно сделать важный вывод о специфике онтоэпистемологической позиции физикализма в целом. До тех пор, пока натуралистическая (физикалистская) теория занимается рассмотрением фактов и явлений мира природы, отличного от самого познающего существа, она остается на позиции научного реализма, утверждающего существование объективной реальности и возможность ее адекватного познания. Но как только натуралистически ориентированные исследования переключаются на рассмотрение когнитивных процессов и явлений самого познающего, то они, чаще всего сами того не замечая, переходят на антиреалистские позиции, высказывая скептические тезисы о познавательных возможностях человека. Физикализм в когнитивных исследованиях ведет к антиреализму.

Теория жестких десигнаторов в традиции аналитической философии была сформулирована С. Крипке [9, 10], но в данной статье мы кратко изложим ее основные положения, опираясь на исследования Д. Фоллесада [11, 12], поскольку этот норвежский аналитик обсуждает теорию Крипке в сравнении с семантическим проектом Г. Фреге, что, по нашему мнению, позволяет лучше понять ее специфику.

С точки зрения семантической концепции Фреге, собственные имена, как некие устойчивые знаки (жесткие десигнаторы), призванные напрямую обращаться к референту, иллюзорны. Фреге и его последователи (см., например, [13, 14]) склонны относиться к собственным именам лишь как к заместителям дескрипций, раскрывающих смысл имени и тем самым осуществляющих референциальное отношение к объекту. Нет имени, которое бы как-то перманентно «держало при себе» объект сквозь череду изменяющихся смыслов. Тожественность имени иллюзорна, всегда нужно иметь в виду этот «шлейф» смыслов, которые преобразуют само имя. Какова же тогда функция имен в языке? Для экономии речи – таков ответ фрегеанцев. Имя – это своего рода свернутая дескрипция. Когда мы произносим: «Мехико», то на самом деле имеем в виду «столица Мексики». Сама дескрипция агентом речи чаще всего открыто не презентуется, в надежде на коммуникативную очевидность данного речевого сокращения, однако именно она играет здесь определяющую роль для прояснения смысла произносимого. Кстати, такая экономия речи нередко является источником непонимания определенных смысловых нюансов: реципиент может связывать с именем «Мехико» смысл, выражаемый в дескрипциях «столица Мексики» и «самый красивый город в мире», тогда как агент речи может употреблять это имя в смысле, выражаемом в дескрипциях «столица Мексики» и «большой и грязный город». Поэтому речь будет тем более точна и прозрачна для понимания, чем чаще мы будем разворачивать спрятанные за именами дескрипции. Имена в такой семантике, в пределе, должны исчезать совсем, и все потому, что они не несут какой-либо собственной семантической функции, выполняя только вспомогательную работу в языке.

Теория жестких десигнаторов пытается оправдать присутствие собственных имен. Здесь утверждается, что имена, в противовес Фреге, имеют собственную семантическую функцию, их работа не может быть сведена только лишь к зашифровыванию дескрипций. И дело здесь вот в чем.

Имена, за счет того, что выполняют транзитивные референциальные отношения, т.е. обращаются к именуемому объекту напрямую, в обход разнообразного смыслового нюансирования, позволяют удерживать устойчивость данных в опыте объектов. Имя фиксирует взгляд познающего, сохраняет для него тождественность обсуждаемого объекта сквозь череду текущих смысловых оттенков, которыми обычно наполняется наше референциальное отношение. Если бы имя выполняло только функцию минимизации речи, то мир попросту «поплыл» бы перед нашим взором. Мы не смогли бы определить, относятся ли две различные дескрипции, нюансирующие смысл, к одному и тому же объекту или нет. Каждая новая дескрипция, каждый новый смысл могли бы интерпретироваться как относящиеся к своему собственному объекту, отличному от других. Поэтому тем фактом, что объекты «не ввалива-

ются» в наше восприятие некой хаотичной лавиной, в которой спустя мгновение уже трудно различить, на что было обращено наше внимание ранее, а, напротив, присутствуют в целостности и порядке, мы обязаны особой семантической функции жестких десигнаторов.

Потребность в именах в нашей речи будет тем выше, чем большим количеством смысловых нюансов «обрастает» воспринимаемый объект. Иногда, когда для фиксации объекта нам достаточно лишь одной смысловой фигуры, мы способны довольствоваться самой дескрипцией, не прибегая к помощи жестких десигнаторов. Фоллесдал приводит здесь следующий пример: «...дескрипция 'баланс моего банковского счета', в свою очередь, фокусируется на *единственном* свойстве своего объекта, в котором мы заинтересованы, а именно в том, что это есть баланс моего счета. Это свойство кочует от объекта к объекту, и у нас нет более пристального и устойчивого интереса к любому из них. Если я прав, то для нас вполне естественно не вводить имени для этой дескрипции. Мы *могли бы* дать ей имя, например, 'Любимый', но это было бы как раз имя лени, оно не являлось бы действительным сингулярным термином, но лишь попыткой выглядеть привлекательнее» [12. Р. 234]. То есть поскольку данный объект интересует нас только в *одном-единственном* смысловом аспекте, постольку мы осуществляем референциальное отношение *самим* этим смыслом, не опасаясь при этом потерять из виду этот объект. Напротив, считает Фоллесдал, такой объект, который мы обозначаем через дескрипцию «человек в очках», тем настойчивее будет требовать для себя собственного имени, чем пристальнее «...мы заинтересованы в человеке и хотим узнать о ней или о нем побольше, кроме того, что человек с очками или без, а именно как она или он изменяются день ото дня» [12. Р. 234]. То есть любой человек, как объект нашего внимания, допускает по отношению к себе чрезвычайно многообразное смысловое нюансирование, и потому мы нуждаемся в том, чтобы сохранить тождественность этого объекта по мере формирования различных дескрипций. Имя позволит воссоединить в единое референциальное отношение этот «веер» дескрипций и тем самым стабилизировать наше внимание.

Однако и при использовании жестких десигнаторов мы не защищены от «расфокусировки» нашего познающего взора. По крайней мере, на уровне коммуникации это случается нередко. Мы ошибаемся в нашем понимании говорящего не только относительно смысловых фигур его речи, относящихся к одному объекту, как в случае с «Мехико», но и касаясь самого референта. Я могу предполагать, что имя «Сократ» отсылает к определенному человеку, тогда как оказывается, что вступивший со мной в коммуникацию обозначает им свою собаку. Фоллесдал отдает себе отчет и в этих тонкостях функционирования языка и потому делает чуть более скромное заявление относительно роли жестких десигнаторов в нашем познании: «...жесткость или действительность [имени], как мне представляется, не является несовместимой с таким референциальным сдвигом. Вместо этого я вижу жесткость как *идеал*, как что-то похожее на кантианскую регулятивную идею, которая предписывает тот способ, каким мы должны использовать язык, говоря о мире. В нашем использовании имен и других действительных сингулярных терминов существует *нормативная потребность* в наилучшем удержании следа рефе-

ренции» [12. Р. 236]. Именно эта нормативная потребность «идти по следу» референта, несмотря на возникающие фактические сбои, предохраняет познаваемый мир от хаотичной безликости, позволяет нам видеть вещи.

И все же, обращаясь к опыту, мы можем заметить, что далеко не всегда используем собственные имена там, где, казалось бы, следуя рассматриваемой теории, должны их использовать. Мы не именуем неодушевленные объекты, хотя смысловое нюансирование по поводу них мы можем осуществлять ничуть не менее интенсивно, по сравнению с теми объектами, которым мы приписываем имена. Разрешение такого затруднения можно видеть в следующем. Логическим свойством жесткости обладают не только собственные имена, но и местоимения. В отношении неодушевленных объектов для удержания определенности нашего внимания мы как раз и используем их. Однако данные языковые выражения имеют еще более шаткие референциальные отношения, нежели собственные имена. Местоимение способно удерживать без ошибок референт только в узком контексте. Когда я произношу «это», указывая на стол в аудитории, то находящиеся в данном помещении люди без труда осуществляют необходимую референциальную фиксацию. При этом в дальнейшем я могу производить разнообразные смысловые нюансирования этого объекта, обсуждая его цвет, материал, из которого он сделан, его форму, его предназначение и т.д., не опасаясь того, что слушающие меня потеряются в осуществлении референциального отношения. Но все это лучше делать именно в этом, четко заданном контексте – здесь и сейчас, в этой аудитории. Чем более размыт контекст, тем неустойчивее референциальная фиксация местоимения. Тем не менее остается в силе главное: даже если мы опрометчиво совершаем неправомерный референциальный сдвиг, мы все равно мотивированы к тому, чтобы совершить какую-либо фиксацию, т.е. сама потребность устойчивого членения мира присутствует в нас вне зависимости от наших ошибок.

Что выступает референтом в теории жестких десигнаторов? По мысли Крипке и Фоллесада, это сами физические объекты в мире природы, данные нам в чувственном восприятии. Объекты, которые связаны с познающим субъектом каузальным отношением. Они являются причиной его восприятий. Очевидно, что такая референциалистская семантика в онтоэпистемологическом плане соответствует позиции физикализма и в данном случае репрезентирует умеренный (научный) реализм.

Примечательно, что аналитические философы, исследования которых можно было бы расценить как скептические, выражающие сомнение в истинности каких-либо общепринятых теоретических убеждений, нередко использовали термины «традиционная теория значения», «классическое понимание значения» и т.д. и выстраивали свою концепцию в виде критических аргументов по отношению к этим привычным взглядам. Однако понимание того, в чем, собственно, традиционная теория значения состоит, у разных философов-аналитиков оказывалось различным. Следовательно, и критика имела разные направления. Например, поздний Витгенштейн под классическим взглядом на значение слова понимал августинианский образ языка [15. С. 80] и, в первую очередь, референциалистскую семантику. Квинтэссенцией августинианского образа было то, что слово представляет своего рода метку, от-

сылающую к какому-либо устойчивому экстралингвистическому факту. Когда Х. Патнем высказывает критические соображения в адрес традиционной теории значения, то под термином «традиционная теория значения» он имеет в виду ментализм и соответствующую ему в нашей классификации интенционалистскую семантику, т.е. убеждение, что значения слов представляют собой некоторые психические образования в сознании носителя языка. Чтобы показать ложность субъективистского понимания значения, Патнем приводит аргумент [16, 17], который в последующей литературе чаще всего именовался как «Земля-Двойник».

Земля-Двойник – мир, почти похожий на наш, населенный такими же существами, как и мы. Различие между мирами состоит только в том, что то вещество, которое существа на Земле-Двойнике называют «вода», – это не  $H_2O$ , а такая жидкость, которая, хотя и идентична с водой на глаз, имеет отличный от воды химический состав, скажем XYZ. Мы могли бы сказать, что во всем этом можно заметить только лишь двусмысленность слов. Выражение «вода» на Земле-Двойнике имеет иное значение, нежели «вода» на Земле, что вполне могут сознавать люди и их двойники на другой планете. Однако если мы перенесемся назад в 1750 г., т.е. в то время, когда ни  $H_2O$ , ни XYZ еще не были открыты, то обнаружим следующее. Даже в это время значения данных двух терминов уже были различными. Вода на Земле-Двойнике уже была XYZ, хотя никто еще не знал об этом. Вместе с тем психологическое состояние землянина Оскара на тот момент, когда он познал значение «вода», и психологическое состояние существа с Земли-Двойника, т.е. Оскара-Двойника, на тот момент, когда последний познал значение слова «вода», должны были показаться идентичными ввиду того, что в прямом чувственном восприятии данные вещества –  $H_2O$  и XYZ – ни по своему виду, ни по своим функциям не различались. В итоге значения двух терминов оказывались различными даже в том случае, когда ментальные состояния говорящих были идентичными. Подобные мысленные эксперименты позволили Патнему в другой, более поздней работе сделать общее заключение: «Вопреки доктрине, сопутствующей нам с XVII века, значения не находятся в голове» [18. С. 33].

Очевидно, что сам аргумент «Земля-Двойник» строится с позиции референциалистского понимания значения. Предполагается, что слово «вода» отсылает к конкретному объекту, веществу со строго определенным физическим составом в материальном мире, и даже несмотря на то, что интенциональные состояния агентов речи, использующих слово «вода», могут быть идентичными, поскольку в чувственном восприятии землянина и его двойника нет никаких различий, референты этих терминов все равно различны – в этом основная критическая претензия к интенционалистской трактовке значения языкового выражения.

Основываясь на этом представлении об устойчивой объективной референции языкового выражения, Патнем развивает идею о «разделении лингвистического труда», суть которой сводится к следующему. Всех агентов речи, использующих то или иное языковое выражение (это касается слов, используемых как в обыденной жизни, так и в научной теории), можно условно разделить на дилетантов и профессионалов. При этом от дилетанта

никто в лингвистическом сообществе и не требует четкого пояснения значения используемого им слова (например, слова «вода»). Однако это не означает, будто бы у этого слова нет четко определенного стабильного значения. Оно есть, но находится только в ведении профессионалов (в данном случае в ведении ученых-химиков), которые способны задать это четкое определение значения слова. Ученый-химик, в свою очередь, может быть дилетантом относительно значения юридического термина «преступление». Он может его использовать в обыденной жизни в смутном, не до конца определенном значении, тогда как профессиональный юрист сможет задать этому термину четкое определение. Отсюда следует общий вывод, что на уровне обыденного языка имеет место неопределенность значений языковых выражений, но это не означает, в отличие от позднего Витгенштейна, например, что определенность отсутствует вовсе. Она проявляется на уровне научного, профессионального языка.

Данная концепция Патнема представляет собой пример референциалистской семантики, которой на онтологическом уровне соответствует позиция физикализма и реализма.

Т. Бердж [19] проводит рассуждение, которое по своему скептическому настрою по отношению к интенционалистской семантике аналогично патнемовскому. Вместе с тем выводы, к которым приходит Т. Бердж, позволяют отнести его концепцию скорее к проявлению конвенционалистской семантики, нежели к референциализму.

Предположим, на прием к врачу приходит дама со словами: «Доктор, у меня артрит в бедре». Врач, даже не прибегая к обследованию, утверждает: «Никакого артрита у вас нет». Врач сделал такое умозаключение на основании очевидной аналитической (т.е. не эмпирической) ложности суждения «у меня артрит в бедре». Аналитическая ложность, в свою очередь, следует из определения самого термина «артрит», принятого в медицинском сообществе. Артрит – это болезнь суставов, он не может случиться в бедре.

Несложно представить себе такое сообщество, в котором значением термина «артрит» оказывалось бы любое болевое ощущение в организме. В таком случае суждение пациентки вполне можно было бы расценить как истинное.

Очевидно, что и в том и в другом случае пришедшая на прием к врачу дама испытывала бы одно и то же внутреннее переживание – переживание боли. Однако на основании сказанного выше становится ясным, что это переживание не имеет никакого отношения к значению того слова, которым она попыталась описать свое состояние. Переживание может быть идентичным, а значения слова – различными. Отсюда следует, что значение языкового выражения не определяется в привилегированном субъективном мире познающего, а представляет собой учрежденное в интерсубъективности правило его употребления.

На примере концепции Т. Берджа видно, сколь разнообразными путями продвигаются аналитические философы, развивая свою аргументацию. И Патнем, и Бердж начинают с критики интенционализма (ментализма), но Патнем при этом приходит к референциалистской семантике и к реалистской

онтоэпистемологической позиции, тогда как логика рассуждения Берджа приводит его к конвенционализму и, следовательно, к антиреализму.

Критика Х. Патнемом ментализма не является визитной карточкой философии этого американского мыслителя. Наибольшую известность ему принесла интерпретация следствий теоремы Левенгейма – Сколема, позволившая распространить определенные скептические затруднения из области философии математики на философию языка и эпистемологию в целом. Это привело Патнема к созданию целой философской системы, хорошо известной под названием «внутреннего реализма», получившей свое выражение в работе «Разум, истина и история» [18].

Относительно языка математики посредством теоремы Левенгейма – Сколема было установлено, что любая формальная система описания, кроме намеренной интерпретации, ради которой она и создается, может допускать также и некоторые неожиданные, ненамеренные интерпретации, в результате чего мы приходим к выводу, что формальная система не способна фиксировать содержание, она оказывается индифферентной по отношению к той или иной области математических объектов. Распространение этого тезиса на философию языка в целом будет выглядеть следующим образом. Та или иная совокупность предложений языка даже при четкой фиксации истинности каждого из высказываний оказывается полностью индифферентной по отношению к семантике (для Патнема проблемы семантики в данном случае тождественны проблемам референции). Мы можем употреблять эту систему предложений для описания определенных событий, но всегда будет существовать возможность полной семантической переинтерпретации данной системы таким образом, что значения всех терминов, входящих в состав высказываний, будут заменены, однако оценка истинности каждого из предложений системы окажется неизменной. Используя язык, чтобы говорить о чем-то определенном, мы всегда находимся в ситуации риска появления какой-либо ненамеренной, нестандартной интерпретации наших терминов. И главное, мы не обладаем какими-либо средствами для фиксации появления такой новой интерпретации. Я могу быть уверен, что мой собеседник полностью понимает, о чем я веду речь, поскольку он всякий раз соглашается с истинностной оценкой моих высказываний, и, однако же, теоретически допустимо, что его семантическая интерпретация терминов, составляющих предложения моего языка, окажется совершенно отличной от моей. Истина не определяет референцию.

Для иллюстрации данного скептического положения Патнем приводит следующий пример. Допустим, в какой-либо беседе я продуцирую высказывание «кошка лежит на коврике» и дополняю его некоторой суммой других высказываний, описывающих ту общую ситуацию, в которую данное событие вовлечено. Мой собеседник может соглашаться со всеми моими высказываниями, демонстрируя, что он понимает их и признает их истинность. Однако теоретически мы можем допустить, что там, где я имею в виду кошку, которая лежит на коврике, когда говорю «кошка лежит на коврике», мой собеседник подразумевает вишню, которая висит на дереве. Мое предложение «кошка лежит на коврике» означает для него: вишня висит на дереве. При этом и данное высказывание, и вся сумма остальных высказываний сохраня-

ют свою истинностную оценку как для меня, так и для него. Из чего можно сделать вывод, что в процессе нашего разговора у нас не будет никаких зацепок, чтобы почувствовать нелепость ситуации, понять, что мы говорим о разных вещах.

Патнем формулирует серьезную скептическую проблему как для философии языка, поскольку речь идет о радикальной дестабилизации семантики, так и для эпистемологии в целом, поскольку именно лингвистический опыт является определяющим для всех сфер познавательной деятельности.

Патнемовский аргумент во многом схож с экспозицией скептической проблемы относительно значения языкового выражения у позднего Витгенштейна. Мы можем представить, что в процессе употребления языка в коммуникации перед нами возникает патнемовский скептик и спрашивает: а ты уверен, что твой собеседник сейчас употребляет термины в тех же значениях, что и ты? Если я отвечу положительно и будут апеллировать к тому, что мы с собеседником единодушны в истинностной оценке всех наших предложений, то патнемовский скептик тут же приведет в пример какую-нибудь ненамеренную интерпретацию, подпадающую под нашу систему высказываний и истинностных оценок.

Однако в содержательном плане между рассуждениями Патнема и позднего Витгенштейна все же имеются важные различия. Во-первых, патнемовская неопределенность существует только на уровне интересубъективной коммуникации. Здесь не ставится вопрос о том, может ли сам субъект в своем лингвистическом опыте испытать затруднения с фиксацией значений выражений его языка. Патнемовский аргумент более органично согласуется с идеями Куайна о неопределенности перевода, нежели с радикальным скепсисом относительно значения у позднего Витгенштейна.

Таким образом, в эволюции идей Х. Патнема мы видим переход от реализма к антиреализму. Если ранний Патнем разделял референциалистскую семантику и физикализм, то философия позднего Патнема может быть охарактеризована как проявление еще одной версии конвенционализма – это конвенционализм относительно истинностных оценок предложений агентов речи, который вызывает впечатление определенности и стабильности референции.

В рамках спора реализма и антиреализма в аналитической философии фигура Д. Дэвидсона занимает особое место. Во-первых, ввиду того, что просматривается тенденция перехода от реалистских позиций в онтологии в ранний период развития аналитической традиции к антиреалистским концепциям в поздний период, семантическая концепция Д. Дэвидсона, как одного из наиболее авторитетных философов-аналитиков последних десятилетий, может стать либо убедительным подтверждением этой тенденции, либо может быть расценена как неожиданный сбой в антиреалистской программе, что с удовлетворением отметили бы реалисты. Во-вторых, интригу закручивает сам Дэвидсон, ибо его концепция оказывается амбивалентной, содержащей в себе такие элементы, которые могли бы быть использованы каждой из противоборствующих позиций в свою пользу.

Одним из центральных методологических постулатов дэвидсоновской теории интерпретации выступает так называемый Принцип Доверия [20]. По

Дэвидсону, понять чужую речь в принципе можно только на основе допущения, что говорящие указывают на одни и те же объекты, факты, события. Мой собеседник видит вещи такими, какие они есть, наше различие заключается только в том, что мы именуем эти вещи по-разному. Осуществляя интерпретацию, я должен доверять познавательным способностям моего собеседника как рационального существа, я должен признавать его себе подобным, признавать то, что он видит мир правильно, так же, как и я. Только на этой основе возможно продуцирование системы Т-предложений, задающих интерпретацию. Если я строю Т-предложение «‘Снег голубой’ тогда и только тогда, когда снег белый», в левой части которого находится высказывание интерпретируемого идиолекта, а в правой части высказывание моего собственного идиолекта, то я могу гарантировать то, что понимаю собеседника, только на том основании, что он в экстралингвистической реальности видит сами вещи, как и я, видит то же, что и я. Сам снег и не голубой, и не белый. Он становится голубым или белым только в речи, сама вещь мира нема, и к этой немой реальности и обращаемся мы как познающие.

Очевидно, что Принцип Доверия, как и теория истины Тарского, провоцирует на принятие реалистской онтологии и эпистемологии, постулирующей существование объективной, экстралингвистической реальности и возможности ее адекватного познания. Такие тезисы устраняют какие-либо формы эпистемологического скептицизма и релятивизма, характерные для антиреалистских воззрений. Поэтому когда, например, С. Ивнайн – один из современных интерпретаторов дэвидсоновской философии – называет принцип доверия «антискептическим принципом» [21. Р. 108], то отсюда можно заключить, что он трактует Дэвидсона как реалиста.

Однако стоит еще раз обратиться к ситуации интерпретации речи и провести более детальный анализ. Допустим, волею случая два человека *A* и *B* оказались на открытой местности посреди грозового фронта. Если при этом *A* решит высказать суждение, в котором бы констатировалась возникающая вокруг него ситуация, то, в соответствии с теорией интерпретации Дэвидсона, здесь будут существовать следующие возможные вариации. *A* говорит: «Идет дождь» и имеет при этом убеждение, что идет дождь; *A* говорит: «Светит солнце» (или любое другое девиантное суждение) и имеет при этом убеждение, что идет дождь; *A* говорит: «Идет дождь» и имеет при этом убеждение, что светит солнце (или любое другое девиантное убеждение); и *A* говорит: «Светит солнце» и имеет при этом убеждение, что светит солнце. По Дэвидсону, *B* сможет попытаться проинтерпретировать речь *A* только на основе допущения, что они оба имеют схожие убеждения о вещах и событиях, происходящих вокруг них. Если даже *A*, находясь посреди грозового фронта, произносит: «Светит солнце», но имеет при этом такое же убеждение, что и *B*, а именно, что идет дождь, то *B* может попытаться понять собеседника, предполагая, что *A* просто использует слишком нестандартную, идиолектическую манеру речи. Для этого *B* будет выстраивать систему Т-предложений, среди которых окажется следующее: «‘Светит солнце’ истинно тогда и только тогда, когда идет дождь», где в левой части будет высказывание на языке *A*, а в правой описание той же ситуации на языке *B*. Если же допустить, что *A*, находясь посреди грозового фронта и произнося «Светит солнце», дейст-

вительно убежден в том, что светит солнце, то интерпретация становится в принципе невозможной. Если очевидности опыта *A* настолько расходятся с очевидностями опыта *B*, то у *B* не будет никаких возможностей, никаких зацепок для построения системы Т-предложений. *A*, продуцируя высказывания, может быть убежден вообще в чем угодно, и выяснить это будет невозможно. Например, произнося «Светит солнце», он может быть убежден в том, что находится в полной темноте на Северном полюсе посреди полярной ночи, и т.д.

Принцип Доверия постулирует согласие в базовых очевидностях опыта. *B* доверяет *A*, что *A* видит тот же мир, что и *B*. Различие между ними заключается только в том, что они говорят об этом мире по-разному. Основой лингвистического понимания непременно должна выступать тождественная экстралингвистическая реальность, иначе интерпретация речи собеседника неосуществима.

Такие тезисы снова и снова, казалось бы, должны убеждать нас в реалистских тенденциях дэвидсоновской философии. Тем не менее здесь есть важнейший нюанс, который переворачивает ситуацию с точностью до наоборот. Этот нюанс дает о себе знать, если мы поставим вопрос следующим образом: для успешной интерпретации *B* нужно, чтобы *A* видел мир правильно, т.е. таким, каков он есть, или же лишь только то, чтобы *A* видел мир таким, каким его видит *B*? Предположим последнее. Находясь посреди грозового фронта, *B* и *A* имеют схожие убеждения, что идет дождь. При этом, если даже *A* произносит: «Светит солнце», то *B*, во-первых, сможет понять речь собеседника, и во-вторых, что самое главное, ему не нужно при этом быть уверенным в том, что *A* адекватно воспринимает экстралингвистическую реальность, ему нужно лишь допускать, что *A* воспринимает ее точно так же, как и *B*. По сути, в соответствии с мыслью Дэвидсона, мы можем предположить даже то, что *A* и *B* находятся посреди грозового фронта, но оба имеют убеждения, что светит солнце, и в таком случае, если они эти убеждения будут выражать с помощью различных языковых конструкций, между ними возможно достижение взаимопонимания, несмотря на то, что их убеждения никакого отношения к объективной реальности не имеют вообще. Отсюда становится ясным, что Дэвидсон, для того чтобы его теория интерпретации работала, требует лишь единообразия в убеждениях, единой когерентной системы взглядов, подобия в восприятиях реальности, а вовсе не допущения адекватного постижения самой реальности.

Теория Дэвидсона представляет собой один из вариантов конвенционалистской семантики, которой соответствует онтоэпистемологическая позиция когерентизма и, в более широком смысле, антиреализма. Реалистам не остается ничего другого, как с сожалением признать, что исследования одного из наиболее ярких и оригинальных мыслителей последних десятилетий только подтверждают общую тенденцию перехода поздней аналитической философии на позиции антиреалистских онтоэпистемологических программ.

Несмотря на то, что концепция лингвистического платонизма Д. Катца [22] квалифицируется в современной аналитической философии как проявление неофрегеанских тенденций в семантике, воззрения самого американского философа по этому вопросу оказываются весьма специфическими. Д. Катц не является полным адептом идей Г. Фреге. Напротив, его позиция в этом во-

просе является критической. Д. Катц считает Г. Фреге ответственным за то, что универалистская семантика не получила должного развития в традиции аналитической философии и была вытеснена референциалистскими семантиками различных типов. По мысли Д. Катца, Фреге выбрал правильное направление исследований, но провел их на достаточно низком уровне аргументации, что позволило впоследствии Б. Расселу и Л. Витгенштейну выдвинуть сумму хорошо обоснованных натуралистических контраргументов в отношении фрегеанской семантики.

Соответственно, свою задачу Д. Катц видит, во-первых, в демонстрации уязвимости позиций натурализма и скептицизма в семантике и, во-вторых, в разработке такой аргументации для универалистской семантики, которая могла бы отразить все критические атаки со стороны натурализма и скептицизма.

Интересен сам критический заход американского философа в отношении ведущих семантических концепций в традиции аналитической философии. Он подводит их под единое основание, считая, что каждую из этих концепций можно проинтерпретировать как проявление натурализма. Если относительно концепций Б. Рассела и раннего Л. Витгенштейна можно без особого обсуждения согласиться с такой позицией ввиду ее очевидности, то, например, семантическую концепцию «значение как употребление» позднего Л. Витгенштейна и ее радикальную скептическую интерпретацию, осуществленную американским логиком С. Крипке [23], вряд ли, казалось бы, можно отнести к натурализму. Поздний Л. Витгенштейн вообще лишает значение языкового выражения статуса определенной стабильной сущности, высказывая тем самым откровенные антиреалистские тезисы, отрицая возможность адекватного познания реальности самой по себе и утверждая онтоэпистемологический плюрализм локальных «языковых игр» и «форм жизни». Что общего, казалось бы, может иметь натурализм (физикализм), утверждающий объективное существование мира природы, и эпистемологический скептицизм концепции «значение как употребление»? Однако более тщательный анализ может продемонстрировать, что Д. Катц здесь действительно высказывает по-настоящему глубокую интуицию. Радикальный скептицизм относительно стабильности значения языкового выражения, что наиболее рельефно показывают исследования С. Крипке, может быть основан только на натуралистических предпосылках при интерпретации познавательных возможностей человека. Поскольку человек признается локальным природным пространственно-временным объектом, постольку возможности его познания оказываются ограниченными. Они ограничены телесной организацией человека, его сенсорным аппаратом и, в конце концов, конечным составом нейронов головного мозга, генерирующим какую-либо мыслительную активность. Семантический скептицизм относительно схватывания стабильных значений языковых выражений и, соответственно, эпистемологический скептицизм относительно познания в целом возникает только на основании интерпретации человека как конечного существа, а такая интерпретация, в свою очередь, возможна только на основании натуралистических воззрений на человека как на локальный физический пространственно-временной объект в мире природы. Таким образом, оригинальная классификация позднего Л. Вит-

генштейна как натуралиста, которую предлагает Д. Катц, представляется достаточно обоснованной.

Обсуждение концепции позднего Л. Витгенштейна приводит Д. Катца к более общим выводам о противопоставлении эпистемологического объективизма универалистской семантики и натурализма как субъективизма и антиреализма. Казалось бы, натурализм разделяет объективистскую эпистемологию и говорит о возможности адекватного познания мира. Однако натурализм в этом вопросе оказывается противоречивым, что мы уже отмечали выше при анализе концепции генеративной грамматики Н. Хомского. С одной стороны, если дело касается таких природных объектов, которые не генерируют собственную познавательную активность, то относительно них натурализм выглядит последовательным, с другой стороны, если дело касается такого объекта, как телесная организация самого познающего существа, то натурализм будет признавать локальность, конечность такой организации. Поскольку же сама теоретическая деятельность в философии и науке осуществляется на основе мыслительных процессов человека как познающего существа, бытийствующего в мире природы, постольку, учитывая его конечную организацию, следует признать релятивность любого познания, осуществляемого человеком. Таким образом, любой вид натурализма оборачивается эпистемологическим скептицизмом и онтологическим антиреализмом. Натурализм и антиреализм оказываются двумя сторонами одной медали. Не случайно, что в натуралисты и антиреалисты Д. Катц записывает, казалось бы, столь разные воззрения в философии языка, как скептическую семантическую концепцию позднего Л. Витгенштейна и натуралистическую теорию генеративной грамматики Н. Хомского. Чаще всего в исследовательской литературе по аналитической философии взгляды Хомского, утверждавшего существование глубинных универсальных синтаксических структур, обнаруживаемых во всех естественных языках, противопоставляют взглядам позднего Витгенштейна, настаивавшего на том, что в естественных языках вообще невозможно обнаружить каких-либо стабильных образований универсального характера, и потому отрицавшего возможность построения теории естественного языка в целом. Д. Катц, в противовес этим распространенным интерпретациям, находит позиции позднего Витгенштейна и Хомского подобными на основании приведенной выше аргументации. Единственно возможное выражение подлинно реалистской онтоэпистемологической позиции Д. Катц видит только в построении последовательной и непротиворечивой семантики универалистского типа, утверждающей существование значений языковых выражений в качестве объективных идеальных сущностей.

Подводя итоги проведенной классификации семантических концепций аналитической философии по основанию реализм/антиреализм, можно сделать следующие выводы. Ранняя аналитическая философия, к которой обычно относят исследования Г. Фреге, Б. Рассела и Л. Витгенштейна периода «Логико-философского трактата», имела ярко выраженную реалистскую позицию в онтологии. Начиная с 30–40-х годов XX в. появляются работы, авторы которых делают явный крен в сторону антиреализма. В первую очередь, это экспликация проблемы неопределенности перевода и ее неопрагматистское решение У. Куайна и концепция «значение как употребление», которую

Л. Витгенштейн начинает разрабатывать в своих исследованиях по философии математики. И хотя позднее возникают концепции реалистской направленности, такие как теория референции раннего Х. Патнема, теория жестких десигнаторов С. Крипке и лингвистический платонизм Д. Катца, на общем фоне антиреализма, который формируют исследования У. Куайна, позднего Л. Витгенштейна, Н. Гудмена, П. Грайса, Д. Серла, Н. Хомского, позднего Х. Патнема, Т. Берджа, Д. Дэвидсона, они смотрятся скорее как исключения из правила, нежели как какая-то устойчивая тенденция. Тем самым подтверждается тезис о том, что различие между ранним и поздним вариантами аналитической философии можно провести по онтологическому основанию. Для ранней аналитической философии характерна реалистская онтология, тогда как развитие данной традиции в поздний период проходит под знаком антиреализма.

### Литература

1. *Apel K.-O.* Intentions, Conventions, and Reference to Things: Dimensions of Understanding Meaning in Hermeneutics and in Analytic Philosophy of Language // *Meaning and Understanding* / Ed. H. Parret and J. Bouveresse. Berlin; New York, 1981. P. 79–111.
2. *Фреге Г.* Логические исследования. Томск, 1997.
3. *Grice P.* Studies in the Way of Words. Cambridge: Mass., 1989.
4. *Ладов В.А.* Онтологическая проблематика в аналитической философии // *Эпистемология и философия науки*. 2010. №1. С. 84–97.
5. *Гудмен Н.* Факт, фантазия и предсказание // *Гудмен Н.* Способы создания миров. М., 2001. С. 72–114.
6. *Остин Д.* Избранное. М., 1999.
7. *Searle J.* Speech Acts. Cambridge: Eng., 1969.
8. *Хомский Н.* Современные исследования по теории врожденных идей // *Философия языка* / Под ред. Дж. Р. Серла. М., 2004. С. 167–177.
9. *Kripke S.A.* Identity and Necessity // *Identity and Individuation*. New York, 1971. P. 135–164.
10. *Kripke S.A.* Naming and Necessity. Cambridge: Mass., 1980.
11. *Follesdal D.* Referential Opacity and Modal Logic. Harvard, 1961.
12. *Follesdal D.* Reference and Sense // *Philosophy and Culture (Proceedings of the XVIIth World Congress of Philosophy, Montreal, August 21–27, 1983)*. Editions Montmorency Montreal, 1986. P. 229–239.
13. *Church A.* Introduction to Mathematical Logic. Vol. 1. Princeton, 1956.
14. *Dummett M.* Frege. Philosophy of Language. New York; Evanston: San Francisco; London, 1973.
15. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 75–319.
16. *Putnam H.* Meaning and Reference // *Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70. P. 699–711.
17. *Патнем Х.* Значение 'значения' // *Патнем Х.* Философия сознания. М., 1999. С. 164–234.
18. *Патнем Х.* Разум, истина и история. М., 2002.
19. *Burge T.* Individualism and the Mental // *Midwest Studies in Philosophy*. 1979. Vol. 4. P. 73–122.
20. *Дэвидсон Д.* Истина и интерпретация. М., 2003.
21. *Eynine S.* Donald Davidson. Stamford, 1991.
22. *Katz J.J.* The Metaphysics of Meaning. Cambridge: Mass., 1990.
23. *Крипке С.А.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М., 2010.